

Юлий Айхенвальд

Фет

Юлий Исаевич Айхенвальд

Фет

Серия «Силуэты русских писателей», книга 23

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594645

Аннотация

«Из стихотворений Фета прежде всего явствует, что он – поэт, отказавшийся от слова. Ни один писатель не выражает так часто, как он, своей неудовлетворенности человеческими словами. Они для него материальны и тяжелы; „людские так грубы слова“ и никогда не соответствуют „неизреченным глаголам“ духа, которые в минуту вдохновенья зарождаются в священной тишине. Слова только приблизительны. О, если бы можно было отвергнуть их неискусное посредничество! О, если б без слова сказать душой было можно!...»

Юлий Исаевич Айхенвальд

Фет

Из стихотворений Фета прежде всего явствует, что он – поэт, отказавшийся от слова. Ни один писатель не выражает так часто, как он, своей неудовлетворенности человеческими словами. Они для него материальны и тяжелы; «людские так грубы слова» и никогда не соответствуют «неизреченным глаголам» духа, которые в минуту вдохновенья зарождаются в священной тишине. Слова только приблизительны. О, если бы можно было отвергнуть их неискusstное посредничество! О, если б без слова сказаться душой было можно! Тишина, дыхание, вздохи; глаза, которые смотрятся в глаза другие; призыв, переданный «одним лучом из ока в око, одной улыбкой уст немых»; золотое мигание дружественных звезд – все это гораздо красноречивее нашей бледной речи; все это – понятные и чудные намеки, которые вообще для Фета более желанны, чем постылая и мнимая отчетливость слишком умного, определяющего слова. Ведь говорит же душистая душа цветов на бессловесном языке своего аромата; «каждый цвет уже намек», и, внемля «цветов обмирающих зову», так чутко понимает его влюбленная пара, и так уверенно разбирается она во всех переливах, во всей немой гамме этих благоухающих откровений. Цветы красноречивее людей. И Фет, может быть, потому, что он и сам вечно влюблен, именно аромата-

ми хочет возместить скудость слова; отсюда у него – «пахучая рифма», «речи благовонные».

Но без слова нельзя обойтись. Естественно только, что наш поэт употребляет их очень мало, как можно меньше, и каждое из его характерных стихотворений сжато и коротко. Фету совсем не пристало бы многословие. В сердце готовы четыре стиха, я прошептал все четыре стиха – и этого довольно. Ведь стихотворение – молитва, а смысл молитвы – в том, что она коротка: ей больше одного слова не нужно, и в одно слово необходимо сосредоточить ее пафос, ее глубокую душу. Вся трудность – в том, чтобы его, единственное, найти; оно и будет слово мировой загадки. И в одном стихотворении Фета мы читаем даже:

Не нами

Бессилье изведено слов к выраженью желаний:

Безмолвные муки сказались людям веками;

Но очередь наша, и кончится ряд испытаний

Не нами.

Итак, человечество страдает тем и от того, что для своей молитвы не может найти надлежащего слова. В этом – вся трагедия и вся история; последняя – не что иное, как смена людских поколений, ищущих слова.

Его не нашел Фет и от дальнейших поисков отказался. Его любимые речи – это «речи без слов». Поэт молчания, певец неслышимого, он потому и слова подбирает не очень тща-

тельно, не очень разборчиво и соединяет их почти как попало («не мне связных слов преднамеренный лепет»); не различно ли в самом деле, какое слово произнести, когда все равно ни одно из них не отвечает мысли и чувству, когда мы обречены на вечную невысказанность и немоту души, когда – «друг мой, бессильны слова – одни поцелуи всеильны»? И вот из самостоятельных, от слова отрешившихся крылатых звуков, которые, как эльфы, реют и купаются в воздухе, из нежного роя избранных, наиболее утонченных слов он ловит любое, лишь бы только в дыхании своем оно являло свое воздушное происхождение и было как легкий Ариэль. И в своем парении Фет – Ариэль поднимается по эфирной «благовонной стезе» все убывающей осязательности: вместо слов у него звуки, вместо звука – дыханье, вместо дыханья – молчание.

Оттого – и частая внешняя бессвязность его стихотворений, причудливый синтаксис и слова, поставленные рядом как бы случайно, без внутренней необходимости. Оттого знаменитое «шепот, робкое дыханье» – ряд подлежащих без сказуемого: ибо что сказать? Оттого он «шепчет не слова»: не в словах дело; и то, что он всегда скорее шепчет, нежели говорит, – это тоже показывает его небрежность в обращении со словом, которое по природе своей громко. Фету чужды цельные и внятные предложения, ему дороже «шепот, шорох, трепет, лепет»: у него стихи движутся «воздушной стопою»; они – чуть слышные, едва произнесенные; у него –

звуки, самые тихие в нашей литературе, и вообще он – шепот русской поэзии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.